

И. В. Кондаков

<https://orcid.org/0000-0002-8903-8368>**М. Горький у истоков постмодернизма**

В настоящей статье личность и творчество М. Горького предстают как многомерное, противоречивое, мозаичное явление, адекватно отображающее всю сложность предреволюционной и постреволюционной эпохи. В. Ленин не мог признаться себе, что М. Горький остался для него загадкой, ключ к которой он так и не сумел подобрать. Однако и в XXI веке «загадочность» Горького не уменьшилась. Наверное, и в самом Горьком было что-то, объясняющее это стремление к примирению противоположностей: Ницше и Маркса, Розанова и Ленина, России и Италии, Беломорканала и Союза писателей, гуманизма и сталинизма. Плюрализм жизни и творчества Горького воспроизводился на разных этапах его судьбы различными средствами. Противоречиво «множилась» сама фигура Горького: он был одновременно Максимом Горьким, Алексеем Пешковым, любым из своих персонажей, включая нередкого рассказчика от первого лица. Авторский стиль постоянно колебался между автором, повествователем и рассказчиками. Как художник, сложившийся на черте между народом и интеллигенцией, Горький – воплощение культурной пограничности: он кажется политикам «невменяемым» и непредсказуемым; как политик он стремится быть независимым, хотя и не скрывает своей ангажированности. Соединяя в своем творчестве непримиримые противоположности, Горький демонстрирует свою амбивалентность в политическом, нравственном, философском и стилистическом отношении и размытость всех границ. Поэтому многие концепты культуры в горьковской интерпретации обладают двойственностью и многозначностью. Тем самым Горький наглядно представляет происходящее в современной ему культуре «расщепление культурного ядра», предшествующее культурному взрыву. Подходя к изучению человека с мерками плюрализма и полистилистики, Горький показывает своих героев с неожиданных сторон и амбивалентно.

Ключевые слова: «невменяемость», многомерность, пограничность, мозаичность, противоречивость, расщепление «культурного ядра».

I. V. Kondakov

M. Gorky at Postmodernism Sources

In this article, the personality and work of M. Gorky appear as a multidimensional, contradictory, mosaic phenomenon, adequately reflecting the complexity of the pre-revolutionary and post-revolutionary era. V. Lenin could not admit to himself that M. Gorky remained a mystery to him, the key to which he never managed to find. However, in the XXI century the «mystery» of Gorky has not diminished. Probably, in fact, Gorky was something explaining this reconciliation of opposites: Nietzsche and Marx, Lenin and Rozanov, Russia and Italy, the White Sea Canal and the Union of writers, humanism and stalinism. The pluralism of Gorky's life and work was reproduced at different stages of his life by various means. Contradictory the figure of Gorky «multiplied»: he was at the same time Maxim Gorky, Alexei Peshkov, any of his characters, including the frequent narrator in the first person. The author's style constantly fluctuated between the author, narrator and storytellers. As an artist, formed on the line between the people (crowd) and the intelligentsia, Gorky was the embodiment of the cultural borderline: he seems to politicians «insane» and unpredictable; as a politician, he seeks to be independent, although not hiding his involvement. Combining irreconcilable opposites in his work, Gorky demonstrates his ambivalence in political, moral, philosophical and stylistic attitude and blurring of all borders. Therefore, many concepts of culture in Gorky's interpretation have duality and ambiguity. Thus, Gorky clearly shows what is happening in modern culture, «the splitting of the cultural core», prior to the cultural explosion. Approaching the study of man with the yardstick of pluralism and of polystylism, Gorky shows his characters in unexpected places and ambivalently.

Keywords: «insanity», multidimensionality, borderline, mosaic phenomenon, contradiction, «the splitting of the cultural core».

Полтора столетия миновало со дня рождения классика XX века, а его жизнь и творчество по-прежнему остаются неразгаданной загадкой. И все современные попытки представить Горького как фигуру, в принципе не представляющую собой ничего загадочного (как это делает П. Басинский [1]: «...в Максиме все понятно и объяснимо, только страстей вокруг него – зашкаливает!»), больше характеризуют время таких интерпретаций и оценок, нежели феномен Горького. Но, наверное, и в самом Горьком было что-

то, объясняющее это стремление к примирению противоположностей: Ницше и Маркса, Розанова и Ленина, России и Италии, Беломорканала и Союза писателей, гуманизма и сталинизма... «Все примирить, все сгладить...».

А между тем вся жизнь Горького и все его творчество сплетены из непримиримых противоречий, по сравнению с которыми пресловутые «кричащие противоречия» Л. Толстого, описанные Лениным в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908), – сущее ничто! По-

думаешь, «с одной стороны, гениальный художник», а с другой - «помещик, юродствующий во Христе»; «с одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок», а с другой – «культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины» [6, т. 17, с. 209–210]. Здесь, по крайней мере, все более или менее ясно: одно – «с одной стороны», другое – «с другой».

Иное у Горького. У него мы не найдем этих «двух сторон». У Горького – все вместе, все сразу. Примерно так, как В. Розанов представляет проституцию как «прототип социальности»: «...ведь и действительно в существо актера, писателя, адвоката, даже “патера, который всех отпеваает”, – входит психология проститутки, то есть этого и равнодушия “ко всем”, и ласковости со “всеми”, – “Вам похороны или свадьбу?” – спрашивает вошедшего поп, с равно спокойной, неопределенной улыбкой, готовой перейти в “поздравление” или “сожаление”» [9, с. 204, 205]. Горький – одновременно и «пролетарский писатель», и защитник интеллигенции, либерал; он и сторонник революции, и классовый миротворец, апологет культуры и гуманизма.

Тот же Ленин хорошо понимает разницу между Л. Толстым, с его кричащими противоречиями, и «путаником» Горьким. В марте 1917 г. в «Письмах из далека» он комментирует международное письмо Горького, наполненное пацифистскими настроениями, которое характеризует как «насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками» и «политическую ошибку». Вспоминая свои капризные встречи с Горьким и политические споры с ним, Ленин рассказывает, как «Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: “Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди”. Нелегко спорить против этого». Подводя итог своим размышлениям о «Буревестнике революции», Ленин заключил: «Нет сомнения, что Горький – громадный художественный талант, который принесет много пользы всемирному пролетарскому движению. Но зачем же Горькому братья за политику?» [6, т. 31, с. 48, 49].

Как ни пытается Ленин развести в Горьком «художественный талант» и «пролетарского революционера», хоть и «плохого», но «марксиста» – и «обывателя» (примерно так, как он поступал с Л. Толстым, отделяя «гениального художника» от «помещика» и «беспощадную критику» капиталистического строя - от проповеди «непротivления злу насилieм»), у него это никак не получается: против «невменяемости» худож-

ника ему нечего возразить. Ведь «художник часто действует под влиянием настроения, которое у него достигает такой силы, что подавляет всякие другие соображения». Особенно если он сам характеризует себя как «невменяемого». И, обращаясь за примером к творчеству Ф. Шаляпина (друга Горького, им постоянно оправдываемого), революционер констатирует: «Он художник, и только. Он чужой делу пролетариата: сегодня – друг рабочих, завтра – черносотенец... смотря по настроению» [6, т. 26, с. 96]. Примерно так ведет себя и Горький, особенно в период «Несвоевременных мыслей» (впрочем, упоминаемое Лениным «черносотенство» Шаляпина – вполне метафорично, как и нередкие у Ленина обвинения разных лиц в «крепостничестве», «поповщине», «обывательщине» и т. п.).

Вот и приходится «вождю пролетариата», так или иначе, пытаться то отстранить «автора “Песни о Соколе”» от политики, а то, напротив, подтолкнуть к политике; то призывать писателя отвечать «доверию» рабочих и выполнять «обязанность» – «беречь свое доброе имя» от посягательств разных «шовинистов» [6, т. 26, с. 97], а то ограждать его от влияния буржуазной интеллигенции – «кадетов» и «околокадетов» [6, т. 51, с. 47–49]. Все эти уловки революционера Ленина выдают его бессилие перед «невменяемостью» художника Горького, постоянно путающего реализм с романтизмом, литературу с политикой, политику с религией, марксизм с нищезанством, революцию с культурой, а мещанство с интеллигенцией – под влиянием своих непредсказуемых «настроений». И все под флагом: «Мы, художники, невменяемые люди» [6, т. 51, с. 47–48].

О невероятном бессилии политика перед художником говорит знаменитое письмо Ленина Горькому от 15 сентября 1919 г. (в котором он безуспешно стремится доказать писателю, что «интеллигентки» – «это не мозг нации, а г...») [6, т. 51, с. 48]. Для Ленина остается необъяснимым, почему Горький «слышит и слушает» «воплé сотен интеллигентов» и «не слышит и не слушает» «голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян», а вместе с ними – и его, Ленина. В отчаянии, как последний аргумент в культурно-политическом споре политика с художником, Ленин саркастически восклицает: «Вполне понимаю, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де “красные такие же враги народа, как и белые” (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженку или в царя-батюшку. Вполне понимаю» [6, т. 51, с. 49]. Но ленинские

предсказания о скорой гибели Горького-художника, увлекшегося политикой, не понимая ее, писателя не убеждают. Он остается все тем же «невменяемым художником» перед лицом якобы «вменяемого политика».

Ленин не мог признаться себе, что М. Горький остался для него загадкой, ключ к которой он так и не сумел подобрать. Однако и в XXI в. «загадочность» Горького не уменьшилась. Детство его окутано тайной. До сих пор не вполне ясно, проходило ли оно в атмосфере нищеты и всевозможных бедствий или было относительно зажиточным и благополучным. К. Чуковский, много общавшийся с Горьким в Серебряном веке, выражал в своей книге «Две души М. Горького» большие сомнения в автобиографичности первой части трилогии Горького - «Детство» («Неужели молодость Горького и впрямь была так мучительна?» [11]). Еще раньше он, пообщавшись с писателем, заявлял, что не «верит» в его биографию.

В. Ходасевич, как никто знавший Горького «изнутри», полагал, что «была некоторая разница между его действительным образом и воображаемым, так сказать, идеальным» [10, с. 370]. Причем эта идеализация по-разному преломляла различные аспекты и разделы жизни писателя: «Горького-самородка, Горького-буревестника, Горького-страдальца и передового бойца за пролетариат» и т. д. «Нельзя отрицать, что все эти героические черты имелись в его подлинной жизни, во всяком случае необычайной, – но они были проведены судьбою совсем не так сильно, законченно и эффектно, как в его биографии, идеальной или официальной» [10, с. 371]. Гиперболизация реальности в горьковском преломлении осложнялась еще и тем, что, по наблюдениям Ходасевича, в каждом случае «он следовал не столько своему собственному, сколько некоему чужому, притом – коллективному воображению» [10, с. 370]. Так складывалась укрупненная и усиленная воображением – авторским и коллективным – мозаика жизни Горького, довольно существенно расходящаяся с реальностью, но стремившаяся ее вытеснить и заменить собой.

Впрочем, и причудливая судьба Горького по своему складывала противоречивую мозаику его жизни и даже его смерти. Какие только версии смерти Горького ни запечатлелись в истории! Умер от гриппа, усугубившего застарелую чахотку; был убит злодеями-троцкистами и «врачами-убийцами» (вскоре казненными по приговору советского суда); был убит по заданию Сталина ближайшим окружением писателя; умер своей смертью по возрасту; был искусственно заражен

неизвестной болезнью... Личность Горького как будто провоцировала мифогенный процесс вокруг нее самой, старательно поддерживавшийся и самим автором.

Плюрализм жизни и творчества Горького воспроизводился на разных этапах его судьбы различными средствами. Противоречиво «множилась» сама фигура Горького: он был одновременно Максимом Горьким, Алексеем Пешковым, любым из своих персонажей, включая нередкого рассказчика от первого лица... Авторский стиль постоянно колебался между автором, повествователем и рассказчиками. Неудивительно, что реальность, преломленная через столь различную «оптику» повествований, казалась не только расщепленной различными влияниями, но и в целом – пестрой, мозаичной картиной мира, где было место и романтизму, и реализму, и символизму, и натурализму, и декадансу, и будущему соцреализму; автор предстает перед своими читателями то как бытописатель, то как философ, то как публицист, то как религиозный правдоискатель, то как просветитель, воспитатель и наставник молодежи и т. д. Религиозные искания Горького складывались из богоискательства, боготорчества и богостроительства – с примесью неявного атеизма.

Особенно усложнилась стилевая палитра Горького в последнее десятилетие жизни, когда он – отчасти добровольно, отчасти вынужденно – стал осваивать «советский», точнее сталинистский дискурс; соответственно размывались грани между языками различных стилей. Б. Зайцев, написавший свои воспоминания о Горьком, замечал в связи с газетными статьями за подписью Горького, что невозможно понять, куда исчез этот человек, которого до революции он хорошо знал, с которым дружил. «...Окончательно убог стал и сам Горький. В сущности, его даже и нет: то, что теперь попадает за его подписью, уже не Горький. У каждого есть свой язык, склад мысли, человеческий облик. Горький отдал его. Через него говорит “коллектив”. Нельзя разобрать, Горький ли написал или барышня из бюро Коминтерна! Горькому дорого заплатили – но и купили много: живую личность человеческую» [4, с. 22].

Многое объясняет в феномене Горького его пограничность: явление Горького, по словам А. Блока, возникает «на тонкой согласительной черте между народом и интеллигенцией» [3, т. 5, с. 324]. Именно отсюда проистекает столь характерная для Горького размытость границ между правдой и ложью, жизнью и искусством, личностью и обществом, утопией и реальностью, здоровьем и болезнью, консерватизмом и радика-

лизмом, серьезным и смеховым, высоким и низким, добром и злом, нравственным и эстетическим, прекрасным и безобразным, богоискательством и неверием и т. п. Поток подобных смысловых антиномий, из которых складывается творчество Горького, можно продолжать почти бесконечно (см. подробнее: [5, кн. 1, с. 250–251]).

Еще одну грань горьковской пограничности отмечал Д. Мережковский в своем эссе «Не святая Русь (Религия Горького)», анализируя «Детство» Горького и проецируя на него горьковскую статью «Две души», написанную почти одновременно с «Детством». «Одна душа России – Бабушка, другая – Дедушка. Бабушка прекрасна, Дедушка уродлив. У Бабушки – добрый Бог – “такой милый друг всему живому”; у Дедушки – злой. Если Бабушкин Бог – настоящий, то Дедушкин – не Бог, а дьявол» [7, с. 309]. Но это лишь первый смысловой слой горьковского «Детства» – детства самой России. «В Бабушке – “дионисовское”, в Дедушке – “аполлоновское”. Бабушка – пьяная. Дедушка – трезвый. Бабушка делает Россию безмерною; Дедушка мерит ее, копит, собирает, может быть, в страшный кулак; но без него она развалилась бы, расплзлась бы, как опара из квашни. <...> Бабушка – Россия старая, обращенная к Востоку; Дедушка – Россия новая, обращенная к Западу» [7, с. 310].

Развивая мысли Горького, Мережковский усложняет и свою метафору Горького как воплощения России: «Может быть, не только у России, но и у самого Горького – “две души”, и он разрывается, мечется между ними – то к Востоку, то к Западу, то к Бабушке, то к Дедушке. Какую из этих двух душ спасти, какую губить? Но может быть, не надо губить ни одной; а надо спасти обе, соединить “две души” в одну. Может быть, Россия – не Восток и не Запад, а соединение Востока с Западом» [7, с. 313]. Так, усилиями Мережковского, Горький становится евразийцем до евразийства, а Россия через творчество Горького, продолжателя Толстого и Достоевского, превращается в новый всемирный континент – Восток-запад.

Есть – среди современников и оппонентов Горького – и еще одно рассуждение о его пограничности, может быть, самое глубокое. Это рассуждение принадлежит Н. Бердяеву – в статье «Революция и культура», впервые опубликованной в журнале «Полярная Звезда» в 1905 г. Поводом для статьи и рассуждения о Горьком в ней послужили горьковские «Заметки о мещанстве», опубликованные им в его пробольшевистской газете «Новая жизнь». Полемицируя с Горьким и Лениным, вообще с больше-

визмом (еще только оформлявшимся как идейное течение), Н. Бердяев обнаруживает в горьковских «заметках» терминологическую двусмысленность и предлагает «восстановить истинное значение слов» [2, с. 424].

Бердяев замечает, что ключевые слова горьковской статьи – «мещанство», «интеллигенция», «народ», «культура», «свобода», «революция», «насилие» и др. – имеют разный, а иногда и прямо противоположный смысл. В горьковском программном тексте происходит наглядное «расщепление» «культурного ядра» России. Бердяев замечает в творчестве Горького, в частности, в его «Заметках о мещанстве», торжество «духа небытия» и «грядущего мещанина»: «“Человек”, во имя которого вытравлено все ценное, все вечно сущее, отвергнута мировая культура за аристократизм ее происхождения, есть пустота и небытие». Бердяев же выступает «против этого неуважения к человеку во имя “человека”, поругания свободы во имя “свободы”» [2, с. 425]. Все концепты дwoятся на смыслы буквальные и переносные, внешние и внутренние, поверхностные и глубинные...

Почему Горького так занимает *мещанство* и «*мещанство*? Потому что это отрицательная сторона человечества, изнанка человеческого, духовная провинция человека. Оно есть в каждом, у одних – снаружи, у других – внутри. Мещанство – это своеобразное глубинное измерение человека и Человека.

Горьковская концепция человека – многомерна: здесь и сатинский афоризм «Человек – это великолепно, это звучит гордо!»; здесь и противоположный афоризм, принадлежащий большевику Кутузову, второстепенному персонажу из романа «Жизнь Клима Самгина»: «Человек – это потом!»; здесь и горьковская поэма «Человек», и его доклад на Первом съезде советских писателей... И – как кульминация – многомерный и бесконечный роман «Жизнь Клима Самгина», представляющий собой глубокое исследование человека и его подсознания. «А был ли мальчик?» – этот навязчивый рефрен последовательно размывает в человеке грань между правдой и вымыслом, объективностью и субъективностью, отражением и воображением... Преодоление этой грани в человеке для Горького принципиально.

Откуда берется эта многомерность Горького? Яркий свет на происхождение горьковского плюрализма проливает «Уединенное» В. Розанова. Здесь ключ не только к феноменологии Горького, но и к онтологии горьковского мира. «Есть вещи, в себе диалектические, высвечивающие (*сами*) и

одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны – так, и с другой – иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. “Бог взял концы вещей и связал в узел – неразвязываемый”. Распутать невозможно, а разрубить – все умрет» [9, с. 213]. В своем творчестве М. Горький обращался именно к такому диалектическим вещам. Отсюда и его несчастье, и его бессилие – в стремлении то ли распутать узел, то ли разрубить его. Поэтому он, как и В. Розанов, как и А. Белый, О. Мандельштам, стоял у истоков русского постмодернизма.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва: РИО ЯГПУ, 2018 [8].

Библиографический список

1. Басинский, П. Страсти про Максиму Горький. 9 дней после смерти = Nietzsche: tragedy of aggressive atheism [Текст] / П. Басинский. – М.: Астрель, 2011.
2. Бердяев, Н. А. Революция и культура [Текст] / Н. А. Бердяев // Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.) / сост. и комм. В. В. Сапова. – М.: Канон+, 2002.
3. Блок, А. Собр. соч.: в 8 т. [Текст] / А. Блок. – М.; Л., 1962–1963. – Т. 5.
4. Зайцев, Б. Максим Горький (К юбилею) [Текст] / Б. Зайцев // Зайцев Б. Братья-писатели. – М., 1991.
5. Кондаков, И. «Между тучами и морем»: Максим Горький [Текст] / И. Кондаков // Кондаков И. В., Шнейберг Л. Я. Русская литература XX века: в 2-х кн. – Кн. 1. Поэзия прозы. – М.: Новая волна, 2003.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. [Текст] / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. лит., 1967–1975.
7. Мережковский, Д. Не святая Русь (Религия Горького) [Текст] / Д. Мережковский // Мережковский Д. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжная палата, 1991.
8. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва: РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
9. Розанов, В. В. Сочинения: в 2-х т. – Т. II. Уединенное [Текст] / В. В. Розанов. – М.: Правда, 1990.
10. Ходасевич, В. Колблемый треножник: Избранное [Текст] / В. Ходасевич; сост. и подгот. текста В. Г. Перельмутера; под общей ред. Н. А. Богомолова. – М.: Сов. Писатель, 1991.
11. Чуковский, К. И. Две души М. Горького [Текст] / К. И. Чуковский // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. – Т. 8. Литературная критика. 1918–1928. – Т8 Rugram, Агентство ФТМ, Лтд. 1917 г.

Reference List

1. Basinskij, P. Strasti pro Maksimu. Gor'kij. 9 dnej posle smerti = Passions about Maxim. Gorky. 9 days after death [Tekst] / P. Basinskij. – M.: Astrel', 2011.
2. Berdjaev, N. A. Revoljucija i kul'tura = Revolution and culture [Tekst] / N. A. Berdjaev // Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, social'nye i literaturnye (1900–1906 gg.) / sost. i komm. V. V. Sapova. – M.: Kanon+, 2002.
3. Blok, A. Sobr. soch.: v 8 t. = Collection works: in 8 volumes [Tekst] / A. Blok. – M.; L., 1962–1963. – T. 5.
4. Zajcev, B. Maksim Gor'kij (K jubileju) = Maxim Gorky (To the anniversary) [Tekst] / B. Zajcev // Zajcev B. Brat'japisateli. – M., 1991.
5. Kondakov, I. «Mezhdu tuchami i morem»: Maksim Gor'kij = «Between clouds and the sea»: Maxim Gorky [Tekst] / I. Kondakov // Kondakov I. V., Shnejberg L. Ja. Russkaja literatura HH veka: v 2-h kn. – Kn. 1. Pojezija prozy. – M.: Novaja volna, 2003.
6. Lenin, V. I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. – 5-e izd. = Complete set of works: in 55 volumes – the 5-th edition [Tekst] / V. I. Lenin. – M.: Izd-vo polit. lit., 1967–1975.
7. Merezkovskij, D. Ne svjataja Rus' (Religija Gor'kogo) = Non-sacred Russia [Tekst] / D. Merezkovskij // Merezkovskij D. Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. – M.: Knizhnaja palata, 1991.
8. Problemy rossijskogo samosoznanija: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija: po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.] = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and the Russian province. To the 150 anniversary since the birth. – Jaroslavl' – Moskva: RIO JaGPU, 2018. – 403 s.
9. Rozanov, V. V. Sochinenija: v 2-h t. – T. II. Uedinennoe = Compositions: in 2 volumes. – V. II. Lonely [Tekst] / V. V. Rozanov. – M.: Pravda, 1990.
10. Hodasevich, V. Koleblemyj trenochnik: Izbrannoe = Moving tripod: Favourite [Tekst] / V. Hodasevich; sost. i podgot. teksta V. G. Perel'mutera; pod obshhej red. N. A. Bogomolova. – M.: Sov. Pisatel', 1991.
11. Chukovskij, K. I. Dve dushi M. Gor'kogo = Moving tripod: Favourite [Tekst] / K. I. Chukovskij // Chukovskij K. I. Sobr. soch.: v 15 t. – T. 8. Literaturnaja kritika. 1918–1928. – T8 Rugram, Agentstvo FTM, Ltd. 1917 g.